

И. А. Гончаров. Счастливая ошибка

Оригинал находится [здесь](#).

**Господи Боже Ты мой! и так много
всякой дряни на свете, а Ты еще
жинок наплодил!**

Гоголь

Шел в комнату - попал в другую.

Грибоедов

Однажды зимой в сумерки... Да! позвольте прежде спросить, любите ли вы сумерки? Я "слышу молчание", а молчание есть знак согласия: стало быть, любите. Да и как не любить сумерек? кто их не любит? Разве только заблудившийся путник с ужасом замечает наступление их; расчетливый купец, неудачно или удачно торговавший целый день, с ворчаньем запирает лавку; еще - живописец, не успевший передать полотну заветную мечту, с досадой бросает кисть, да поэт, житель чердака, грозит в сумерки проклятиями Аполлона лавочнику, который не отпускает в долг свечей. Все прочие любят это время; не говоря уже о простом народе, мастеровых, рабочих, которые, снедая в поте лица хлеб свой, покладывают руки от тяжелого труда, наконец, магазинщицах, которые, зевая за иглой при Божьем свете, с детской радостью надевают шляпки и спешат предаться увеселениям. Но то существенная, прозаическая радость, а в сумерках таятся высшие, поэтические наслаждения.

Благословен и тьмы приход! -

сказал Пушкин. Не есть ли это время нежной, мечтательной грусти, - не той грубой, неприятной грусти, которая изливается днем, при всех, горячими слезами, причины которой так тривиальны - крайняя бедность, потеря родственников и проч.; грусти, например, от невнимания любимой особы, от невозможности быть там, где она, от препятствий видаться с нею, от ревности? Не есть ли это, краснее скажу, время сладостного шепота, робкого признания, пожимания рук и... мало ли еще чего? А сколько радостных надежд и трепетных ожиданий таится под покровом сумерек! сколько приготовлений совершается к наступающему вечеру! О, как я люблю сумерки, особенно когда переносюсь мысленно в прошлое! Где ты, золотое время? воротись ли опять? скоро ли?...

Посмотрите зимой в сумерки на улицу: свет борется со тьмою; иногда крупный снег вступает в посредничество, угождая свету своею белизною и увеличивая мрак своим облаком. Но человек остается праздным свидетелем этой борьбы: он приумолкает, приостанавливается; нет движения; улица пуста; дома, как великаны, притаились во тьме; нигде ни огонька; все предметы смешались в каком-то неопределенном цвете; ничто не нарушает безмолвия, ни одна карета не простучит по мостовой: только сани, как будто украдкой, продолжают снова вечную основу по Невскому проспекту. Одним словом, кажется, настала минута осторожности... а в самом деле эта минута есть, может быть, самая неосторожная в целом дне: зимой в сумерки совершается важный, а для некоторых наиважнейший, процесс нашей жизни - обед; у первых он состоит в наполнении, у вторых в переполнении желудков и нагревании черепов искусственными парами, - сообразите следствия от этих двух последних обстоятельств.

Теперь войдемте в любой дом. Вот общество, собравшееся в гостиной: всё тихо, безмолвно; никто не шевелится; разговор медленно вяжется слово за слово, поминутно перерываясь и не останавливаясь на одном предмете. Вглянитесь в физиономии: это самая лучшая, самая удобная минута для изучения настоящего характера и образа мыслей людей. Посмотрите, как в сумерки свободно глаза высказывают то, что задумала голова, как непринужденно гуляют взоры: они то зажигаются страстью, то замирают презрением, то оживляются насмешкой. Тут подчиненный смело меряет глазами начальника с ног до головы; влюбленный смело пожирает взорами красоту возлюбленной и дерзает на признание; взяточник, хотя шепотом, однако без ужимок объявляет, какую благодарность и в каком количестве чаял бы он получить за дельце, - сколько доверенностей рождается в потемках! сколько неосторожных слов излетает!... Но вот несут свечи: вдруг всё оживилось; мужчины выпрямились, дамы оправились; разговор, медленно катившийся до тех пор, как ручеек по камешкам, завязывается снова, вступает, подобно могучей реке, в берега, делается шумнее, громче. А какая перемена в людях! подчиненный уж смотрит в лакированные сапоги начальника, влюбленный стоит почтительно за стулом возлюбленной, взяточник кланяется и приговаривает: "Что вы! что вы! какая благодарность! это мой долг!" - неосторожные распеваются в своей доверенности, и взоры перестают страстно глядеть; место презрения заступает сухое почтение или страх. О! будьте только сумеречным наблюдателем... "Но наблюдать, - скажут мне, - в сумерки неудобно, темно". - "Ах, в самом деле! ваша правда". - "Да как же вы упустили это из виду? забыли?" - "Нет-с, не догадался".

Однажды зимой, в сумерки, сопровождаемые всеми вышеизложенными обстоятельствами, то есть падением снега и безмолвием на улицах, - не то из Садовой, не то из Караванной выскочил на Невский проспект, как будто сорвавшись с цепи, лихой серый рысак, запряженный в маленькие санки, в которых сидел молодой человек. Далеко вперед закидывало стройные ноги благородное животное, гордо крутило шею, быстро несло по улице; но седок всё был недоволен. "Пошел!" - кричал он кучеру. Напрасно сей вытягивал руки во всю длину, ослаблял вожжи и привставал с места, понукая рысака. "Пошел!" - кричал седок. Но ехать скорее было невозможно: и так пешеходы, которые пускались, как вброд, поперек улицы, при грозном оклике кучера, вздрагивая, пятились назад, а по миновании опасности, плюнув, с досадой приговаривали: